

УДК [821.111'04:061.237]:27-23-264-277

**ФЕНОМЕН ХРИСТИАНСКОГО РОМАНТИЗМА В АНГЛИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

В. В. Яремчук

*Аспирант,
Львовский национальный
университет им. Ивана Франка,
г. Львов, Украина*

**CHRISTIAN ROMANTICISM PHENOMENON IN THE ENGLISH
LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY**

V. V. Yaremchuk

*Postgraduate student,
Ivan Franko National University of Lviv,
Lviv, Ukraine*

Summary. The main aim of the article was to analyze the phenomenon of Christian Romanticism in its development in the history of English literature. The main principles, stylistic and poetic peculiarities of the literary phenomenon were singled out. Special attention was paid to the oeuvre of *The Inklings* as the brightest representatives of Christian Romanticism in the first half of the 20th century.

Keywords: Christian Romanticism; myth; sacred; profane; the Bible.

В литературоведении XX и XXI вв. активно переосмысливаются взгляды на романтизм как направление в мировой литературе первой трети XIX века. Так, многие зарубежные исследователи, среди которых В. Г. Оден, Г. Блум, Н. Фрай, П. Акرويد, К. Дуриз, П. Лоув, А. Гибсон, Ж. Барзун, утверждают, что романтизм продолжил свое шествие и в начале XX века, испытывая новые жанровые формы, поэтологические приемы и модели, влияя на ведущие в то время направления – модернизм и реализм. Не смотря на то, что ученые-литературоведы убедительно доказывают существование в трансформированной форме романтизма в первой половине XX века, в академических кругах нет единого мнения о том, каким термином обозначать это явление. Например, П. Лоув, исследуя творчество авторов конца XIX – начало XX в. Т. С. Элиота и П. Б. Шелли, для обозначения их творческой манеры использует параллельно термины «христианский романтизм» и «романтический модернизм» [6]; К. Дуриз в контексте исследований творчества Дж. Р. Р. Толкина прибегает как к термину «христианский романтизм», так и «неоромантизм» [1]; в то время как литературоведы XXI в., исследующие творчество некоторых писателей первой половины XX века, употребляют также термин «постромантизм»

[7], имея в виду, что романтизм и его вариации – это определенный метод художественной репрезентации посредством эмоционального посыла, заключенного в мифологических структурах. Н. Фрай же в исследовании «Новый взгляд на романтизм» (1963) рассматривает романтическое направление как конкретный стиль «поэтической мифологии», возникший под влиянием определенных исторических и культурных влияний и изменений, который вновь появляется в литературе с новым витком спиралевидного развития цивилизации, проявляя себя в новых моделях «мифологических структур» [2, с. 4]. Исследователь утверждает, что в отличие от доромантической структуры мира (рай – Эдем – земной мир – мир после смерти, в котором цикличность природы продолжается в диалектическом поединке Добра и Зла), новые мифологические конструкты романтизма, а также тот факт, что «романтизм подарил современному сознанию осознание того, что общество может развиваться и прогрессировать, только индивидуализируя себя», сместили акцент с физически-духовного восприятия мира на самосознание индивида, изменив при этом вертикальную ось христианских ценностей «Рай-Ад» на многовекторный поиск внутрь и наружу «Я» [2, с. 48].

Собственно термин «христианский романтизм», использованный в этом исследовании для характеристики феномена мифопоэтического творчества представителей кружка «Инклинги» (первая половина 60-х гг. XX в.), толкуется, скорее, как стилевое метапонятие, или стиль, перманентно доминировавший на протяжении всей истории английской литературы, который создавался под значительным влиянием средневековой и ренессансной христианской и куртуазной литературы, эпических произведений раннего Средневековья и XVII в. и произведений ранних европейских романтиков. В статье «О страхе и романтизме» Дж. Мидлтон-Марри убеждал, что романтизм, с его приоритетом интуиции и внутренней морали, является национальной британской традицией мышления [6, с. 23]. Источником этого феномена в английской литературе, как утверждает П. Лоув, бесспорно, было творчество Данте, оказавшее воздействие на авторов раннего и позднего Ренессанса, вдохновившее в XVII в. Дж. Мильтона на написание «Потерянного рая», а в конце XVIII в. повлиявшее на возникновение готической прозы и позже мифопоэтических произведений У. Блейка и собственно на романтизм как направление первой трети XIX в. Во время стремительного развития романтизма в Англии возникло величайшее в истории английской церкви течение христианства, англо-католическое, которое ратовало за возвращение к средневековому типу религии, что совпадало с идеями христианских романтиков. Средневековье – это время религиозного синкретизма языческих идей, образов, ритуалов, со временем аккумулировавшихся и ассимилировавшихся ортодоксальной доктриной. Англо-католицизм был открытым для вмешательств и поэтому перешел от кальвинистического царства Слова как основного способа познания в церкви Англии к области воображения и возвеличивания искусства, повлияв таким образом на литературу этого периода.

К представителям этого феномена в английской литературе исследователи и коллеги-писатели XX в. в разное время относили, к примеру, Г. К. Честерто-

на (утверждение Дж. Б. Шоу), В. Б. Йейтса (Г. Блум), Т. С. Элиота (Н. Фрай). «Инклинги» достойно продолжили традицию мифотворчества, создав собственные мифопоэтические модели мира на пересечении различных философских мировоззрений конца XIX – начала XX в. и различных религиозно-идеологических взглядов, в значительной степени построенных на базе христианской мифологии. Цитируя Н. Фрая, можно утверждать, что они насыщены «великим Библейским кодом литературы», поскольку мифопоэтическая модель мира Дж. Р. Р. Толкина основывается на архетипе Мирового Древа, которое одновременно является библейским Деревом познания Добра и Зла; модель мира К. С. Льюиса – интертекстуально резонирует с Новым Заветом, Пятикнижием и Книгой Откровения св. Иоана; а в основе мифопоэтической модели мира Ч. Уильямса лежит архетипический образ Города, одновременно являющегося «Городом Бога» Августина Блаженного и мифопоэтическим воспроизведением библейского пророчества о Новом Иерусалиме [3].

Синкретичность мышления, являющаяся следствием наложения христианских мифов на языческие представления, и новое постапокалиптическое мировоззрение человека после двух мировых войн, а также создание вследствие этого авторских мифологических систем стали одними из самых ярких достижений нового этапа развития романтизма в XX в., что свидетельствует о творческой продуктивности этого направления и литературного феномена. Исследователь-религиовед Дж. Питерс отметил: «Распространение христианства во многом привело к потере чистоты Евангелия и истинно христианского порядка и образа жизни. Церковь была заражена различными языческими верованиями и практиками, превратившись, таким образом, в теологически синкретическую, даже христо-языческую» [8, с. 90]. Эта тенденция нашла свое отображение и в литературе, а наиболее ярко воплотилась в романтизме. Начиная с «Пророческих книг» В. Блейка, в литературу английского романтизма к XVIII – нач. XIX века

проникает феномен «христианского романтизма, или романтической теологии», ощущаемый в творчестве всех ведущих представителей классического романтизма. В 30-х годах XIX века романтизм уступает реализму, но «христианский романтизм» продолжает свое существование, влияя на тематическом и символическом уровнях на поэтику произведений реалистической эпохи («Рождественская песнь в прозе», «Крошка Доррит» и др. произведения Ч. Диккенса, «Джен Эйр» Ш. Бронте, «Грозовой перевал» Э. Бронте, «Мидлмарч» Дж. Эллиот, романы Э. Булвер-Литтона и др). В конце века «христианский романтизм», развиваясь под влиянием различных новейших философских течений, таких как «религиозный экзистенциализм» С. Кьеркегора, «волюнтаризм» А. Шопенгауэра, «философия жизни» Ф. Ницше и др., существенно влияет на новые направления английской литературы – неоромантизм и эстетизм, находя свое продолжение в творчестве собственно «христианских романтиков», а также в творчестве представителей английского модернизма и реализма.

Обращая внимание на циклическую теорию существования и развития языка и литературы Дж. Вико, Н. Фрай объясняет постоянную реактуализацию интереса к мифу в литературе разных эпох, в частности к христианской мифологии как к духовному, культурному, философскому базису европейской цивилизации, способностью литературы, и в частности поэзии, к воспроизведению первой, метафорической, фазы развития языка [2, с. 23]. Кроме этого, исследователь предлагает называть ряд произведений мировой литературы керигмальными текстами (керигма – новозаветный термин, обозначающий стиль сакрального письма, передающего визионерское предназначение написанного текста, показывающий связь определенного художественного произведения с духовным первоисточником – Библией: «Некоторые истории имеют особое значение: они рассказывают о важных для общества вещах – о его богах, истории, законах или классовой структуре. Эти истории можно назвать мифами во вторичном значе-

нии <...> вышеупомянутые «мифы» становятся «сакральными» и неотъемлемой частью того, что библейская традиция называет «откровением». Во многих первобытных обществах этого различия еще не было, но рано или поздно в большинстве случаев оно всё же возникает, и уже тогда продолжает свое существование через века» [2, с. 29–33], например, произведения Данте, Блейка, Шелли, по мнению исследователя, относятся к классическим примерам вторичных мифов мировой литературы. Сакральность литературного текста, способность автора заставить поколение читателей или слушателей поверить написанному, принять как своеобразный кодекс или как пророчество о вероятной катастрофе, почувствовать ужас перед неизведанными силами бытия, принять участие в вечном противостоянии сил Добра и Зла, найти центр, ось или оплот для собственного мира, почувствовать себя частью вечного «священного времени» (М. Элиаде) – это одна из самых ярких особенностей творчества христианских романтиков всех поколений, особенность, неотъемлемая от понятия мифа во всех его толкованиях и христианского мифа в частности.

В этом отношении считаем уместным вспомнить мифопоэтическую теорию ведущего представителя кружка «Инклингов» Дж. Р. Р. Толкина, высказанную им в эссе «О волшебных сказках» относительно когерентного характера литературной деятельности, в частности мифопоэтической. В поддержку своей идеи писатель использует три разных образа – дерева, паутины-плетения и котла. Образ единого дерева он назвал «деревом сказок», на котором сказки существуют в виде «причудливо сплетенных» ветвей [10, с. 22]. Писатель утверждает, что все написанные и ненаписанные произведения являются частью большого полотна или паутины, образ, который предусматривает работу многих «рук, цветов, времен», которые вносят вклад в единую, огромную, монолитную работу. Самым ярким является образ котла, в котором постоянно готовятся «поэтические блюда», и каждый следующий писатель, несколько меняя «рецепт», продолжает

работу предыдущих «поваров», переключаясь с ними. Очевидно, что говорить о чистоте сакрального и профанного письма – это путь к идеализации и упрощению, в то время как целесообразнее отмечать доминирование того или иного в литературном тексте.

В письме к издательству «Хоутон-Мифлин» в 1955 г. Дж. Р. Р. Толкин писал о своей мифопоэтической эпопеи следующее: «Это монотеистический мир «естественной мифологии». Тот странный факт, что там нет церквей и храмов, а также религиозных обрядов и церемоний, только объясняет воссозданную в романе историческую атмосферу. Его объясняют «Сильмариллион» и другие легенды Первой и Второй эпох, если они конечно выйдут в свет. Как бы то ни было, я – христианин, хотя Третья эпоха не выглядит христианской» [9, с. 250]. То есть история фикционного Средиземья Толкина – это история дохристианского мира, написанная христианином. Так же, улицы Лондона, которыми бродят живые и неживые герои Ч. Уильямса, – это история современного писателю христианского мира, который поглотили межконфессиональные распри, темные культы и обряды, языческие жертвоприношения, а также это история возвращения к средневековым христианским истинам, которые в данных произведениях воспринимаются как идеал. «Нарния» К. С. Льюиса – это альтернативный христианский мир, определенная реальность, которая своей духовностью объединяет все эпохи мира и в творчестве данного писателя является местом бегства от жестокой реальности, войн, всего реалистического в мир благородной романтики.

Синкретичность и пластичность мифа сделали его привлекательным инструментом не только для литераторов, но и для теологов и представителей других наук и видов искусств: «Мы не можем верить в то, чего мы не представляем», – сказал К. С. Льюис, – «и только благодаря своей способности передавать текущие эпистемологические ограничения миф становится особенно важным для христиан, поскольку только так они могут по-настоящему познать Бога» [4]. Невзирая на то, что многими теологами слово «миф» в от-

ношении к христианству воспринималось крайне негативно, К. С. Льюис и Дж. Р. Р. Толкин интерпретировали рассказ о жертвенной смерти Христа для отпущения грехов человечества как «истинный миф». Льюис писал: «История Иисуса Христа – это просто истинный миф: миф, который влияет на нас так же, как и другие с той разницей, что он действительно имел место» [5, с. 56]. Для этих писателей мифологические аспекты Писания не уменьшают важности христианского понимания Бога, напротив, они пытаются использовать христианские мифемы средневекового образца для созидания. В произведениях «Инклингов» встречаются все виды христианской мифологии:

1) космогонические мифы (в «Сильмариллионе» Дж. Р. Р. Толкина, «Хрониках Нарнии», «Космической трилогии» К. С. Льюиса);

2) этиологические мифы (объяснения явлений природы войной на небесах в романах Ч. Уильямса, в «Космической трилогии» К. С. Льюиса, в «Сильмариллионе» Дж. Р. Р. Толкина);

3) квест-мифы (артуровский поэтический цикл Ч. Уильямса и произведения других «Инклингов»);

4) эсхатологические мифы (война за Кольцо всевластия во «Властелине колец», альтернативные истории конца света в произведениях «Месть Льва», «Спуск в ад» Ч. Уильямса).

Продолжая традицию романтиков начала XIX века, «Инклинги» не ограничиваются только христианской канонической символикой, тематикой, мифоструктурами, смело сочетая их с элементами других национальных мифологий. Ч. Уильямс считал, что многие элементы христианской мифологии берут начало из персидской религии, или зороастризма. Бытовало мнение, что Зороастр был первым, кто обучил людей доктринам собственного свободного выбора, ада и рая, будущего воскрешения тела, Последнего Суда, вечной жизни при объединении тела и души. Мистики пытались доказать, что эти доктрины стали основами веры, когда их позаимствовали иудеи, христиане и мусульмане. Эти идеи включают дуализм добра и зла, веру в спасе-

ние и воскрешение, евкатастрофу, или эсхатологию с положительным завершением. Еще одна параллель приводилась, например, между искушением Будды (Сиддхартхи Гаутамы) до того, как он переродился, демоном Марой и искушением Иисуса дьяволом. Родная для северо-западной Европы дохристианская мифология (германская и кельтская) была, конечно, снесена с пьедестала, а ее место на время заняли святые мифы, истории о Деве Марии, мифы о Христовых походах и другие. Однако дохристианские мифы не исчезли полностью, ассимилируясь с католической парадигмой в историях о мифических королях, святых, чудесах. Мистику такого характера можно наблюдать в произведениях «Инклингов», особенно Толкина, опиравшегося на такие источники, как «Беовульф», исландские, скандинавские, германские саги, легенды о короле Артуре и святом Граале (последние получили оригинальное перевоплощение в романах Ч. Вильямса, О. Барфилда и К. С. Льюиса).

Диалектика Добра и Зла в творчестве христианских романтиков «Инклингов» актуализируется в целом ряде мифопоэтических образов, принципов и мотивов, а именно в вышеупомянутом мотиве Вечного Танца, принципе «романтической любви», обоснованной кроме того теоретически Ч. Уильямсом в его монографии «Фигура Беатриче: анализ творчества Данте» [*The Figure of Beatrice: A Study in Dante*] и К. С. Льюисом в сборнике эссе «Четыре любви» [*The Four Loves*], образе Мирового Древа, который одновременно является библейским Древом познания Добра и Зла, мотиве евкатастрофичного апокалипсиса как кульминации духовного поиска человечества и многих других, которые органично составляют керигомальность их романтического мифопоэтического стиля.

Библиографический список

1. Duriez C. J. R. R. Tolkien: The Making of a Legend. – Lion Books, 2012. – 248 p.
2. Frye N. Romanticism Reconsidered: Selected Papers from the English Institute. – Columbia University Press, 1963. – 133 p.
3. Frye N. The Great Code: the Bible and Literature. – Toronto : Academic Press Canada, 1982. – 261 p.
4. Hein R. Christian Mythmakers. URL: www.greenmanreview.com/book/book_hein_christianmythmakers.html.
5. Hillegas M. R. Introduction // Shadows of imagination. The fantasies of C. S. Lewis, J. R. R. Tolkien and Ch. Williams // A Collection of Articles. – Southern Illinois Univ., 1979. – 216 p.
6. Lowe P. J. Christian Romanticism: T. S. Eliot's response to Percy Bysshe Shelley : dissertation theses / Durham University. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/4127/>.
7. Moscovici C. Romanticism and Postromanticism. – Lanham : Lexington, 2007.
8. Peters G. W. A Theology of Church Growth. – Grand Rapids : Zondervan, 1981.
9. Reilly R. J. Romantic Religion: A Study of Barfield, Lewis, Williams, and Tolkien. – Athens, GA : University of Georgia Press, 1972. – 579 p.
10. Tolkien J. R. R. On Fairy-tales // Tree and Leaf. – London : Harper Collins, 2009.

Bibliograficheskiy spisok

1. Duriez C. J. R. R. Tolkien: The Making of a Legend. – Lion Books, 2012. – 248 p.
2. Frye N. Romanticism Reconsidered: Selected Papers from the English Institute. – Columbia University Press, 1963. – 133 p.
3. Frye N. The Great Code: the Bible and Literature. – Toronto : Academic Press Canada, 1982. – 261 p.
4. Hein R. Christian Mythmakers. URL: www.greenmanreview.com/book/book_hein_christianmythmakers.html.
5. Hillegas M. R. Introduction // Shadows of imagination. The fantasies of C. S. Lewis, J. R. R. Tolkien and Ch. Williams // A Collection of Articles. – Southern Illinois Univ., 1979. – 216 p.
6. Lowe P. J. Christian Romanticism: T. S. Eliot's response to Percy Bysshe Shelley : dissertation theses / Durham University. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/4127/>.
7. Moscovici C. Romanticism and Postromanticism. – Lanham : Lexington, 2007.
8. Peters G. W. A Theology of Church Growth. – Grand Rapids : Zondervan, 1981.
9. Reilly R. J. Romantic Religion: A Study of Barfield, Lewis, Williams, and Tolkien. – Athens, GA : University of Georgia Press, 1972. – 579 p.
10. Tolkien J. R. R. On Fairy-tales // Tree and Leaf. – London : Harper Collins, 2009.

© Яремчук В. В., 2014.